Ярослав Гашек

НОВЕЛЛЫ

Псковское областное газетно-книжное издательство

1950

«СЧАСТЛИВЫЙ ОЧАГ»

I

Вот уже шесть лет, как издаваемый Шимачком журнал «Счастливый очаг» старается облагодетельствовать каждую семью и осчастливить каждую супружескую пару в Чехии. Я убедился в этом сам.

Необходимые всякому домашнему хозяйству советы и наставления каждые две недели изливаются из конторы на Иерусалимской улице, разнося повсюду счастье. Что касается меня, я бы скорее плакал.

Через неделю после свадьбы жена открыла мне сладостную тайну: она получает «Счастливый очаг».

— Сегодня как раз пришел новый номер, там много важных наставлений. Увидишь, сколько мы выгадаем, если последуем этим наставлениям!

Когда я вернулся домой, на кухне господствовала сплошная суета.

Жена вышла ко мне навстречу с сияющими от счастья глазами и воскликнула.

— Какая удача!

Взяв меня за руку, она повела меня на кухню:

— Я поступила буквально так, как было сказано в «Счастливом очаге»: обварила бразильские орехи кипятком и оставила их в нем на пятнадцать минут,— теперь их можно будет легко очистить.

Жена была несказанно рада.

— Но, дорогая, с чего ты вздумала покупать бразильские орехи, кто их станет есть, на что они нам?

— Ты глупенький,— возразила жена,— здесь же написано черным по белому: «Полить бразильские орехи кипятком; можно также мочить холодной водой пять-шесть дней». Пойдем, ты увидишь, что твоя жена не лентяйка.

В спальне пахло камфорой.

— По совету «Счастливого очага» я отполировала кровати камфорным маслом,— сказала жена.

— Да, ведь они почернели! — воскликнул я.

— Это неважно,— ласково ответила она,— в «Счастливом очаге» есть отдел «Беседы с подписчицами журнала», где каждая может получить ответ по любой отрасли труда и науки. Я спрошу, как можно исправить почерневшую мебель. Мне сегодня уже ответили в этом отделе на мой вопрос о происхождении колец. Я тебе прочту: «А. Т. Кольца служили для прикрытия человеческого тела гораздо раньше, чем одежда». . .

Мне сделалось дурно, и я лег на диван. Тем временем моя дорогая жена не ленилась. По указанию последнего номера «Счастливого очага» она старалась удалить воском и солью с утюга ржавчину, которой на нем не было. Затем окунула для мягкости мои ботинки в керосин и облила себе руки чернилами, чтобы свести чернильные пятна виноградным соком, после чего пустилась на поиски красного вина, так как ей хотелось проверить, действительно ли исчезают винные пятна с белья, если его замочить на день в кислом молоке, а потом выстирать в воде. В результате прислуга принесла красное вино, и моя милая, не знающая устали женушка облила им мою рубашку и стала мочить ее в кислом молоке.

После этого она выварила зубные щетки, найдя в числе наставлений, между прочим, такое: «Вывари новую зубную щетку,— сохранишь ее дольше». К сожалению, от щеток остались у нее одни ручки: от кипятка щетина выпала. Само собой, жена обвинила меня, что я покупаю плохие щетки.

Далее она принялась орудовать с будильником, точно следуя предписаниям «Счастливого очага», где разъяснялось, что, варя яйца, надо завести будильник на определенную минуту; когда завод выйдет, яйца уже сварятся. Этим она развлекалась добрый час.

Затем она начала ругать меня за то, что я не принес домой деревянных ручек, которые дают в магазине, чтобы

удобнее было нести покупки,— из них она могла бы приготовить подставки для ножей и вилок, солонки и тому подобные прекрасные вещи, как их делали многие подписчицы «Счастливого очага», чем безусловно достигли совершенного хозяйственного благополучия.

— Это я тоже заведу,— сказала жена и дала мне подчеркнутую статейку в последнем номере: «Как я учу курильщика экономии. Мой муж покупает сигары коробками по сто штук. Каждый раз, когда он покупает такую коробку, я незаметно беру и прячу из каждого ряда по три-четыре сигары. А когда коробка пустеет, я кладу в нее назад одну-две сигары из прежде спрятанных. Таким образом, коробки сигар хватает на гораздо больший срок».

Понятно, весь вечер целиком был посвящен «Счастливому очагу».

Жена сделала доску для резки колбасы, рамку для сушки шерстяных чулок и вешалку для придворного платья. Так как у ней, однако, придворного платья не было, она потребовала, чтобы я купил ей его.

Потом она выкрасила бельевую корзину белой масляной краской и пронесла ее мимо моего черного костюма, который прислуга только что вычистила. Через минуту она вернулась, сияя от радости, и сообщила, что сейчас напишет письмо в редакцию «Счастливого очага» с вопросом, как выводить белую масляную краску с черных костюмов.

— Мы, подписчицы,— говорила она,— трудимся друг для друга. Ответ на каждый такой вопрос — незаменимое средство для всех читательниц осчастливить свое хозяйство. И мы должны быть счастливы. Завтра ты мне поможешь разукрасить уборную, как советует журнал. Мы оклеим стены черными и белыми квадратами из картона.

Наконец, на ночь я вынужден был надеть жилет, так как в статье «Верное средство закалить здоровье» было написано, что великий английский гигиенист Герберт Спенсер спал в жилете.

В три часа утра меня разбудил будильник.

— Пора вставать,— провозгласила жена,— я читала, что лучшее время для умственной деятельности от трех до семи утра. «Счастливый очаг» назначил триста крон в премию той подписчице, которая представит лучший рецепт

использования отбросов от куриц и каплунов. Помоги мне придумать.

В шесть жена заявила, что я идиот, потому что в течение трех часов бессмысленно смотрю в пространство и ничего не придумал.

От шести до половины восьмого она поучала меня, что моральному упадку и ужасным преступлениям мужчин посвящены целые фолианты уголовных кодексов. Интеллигентная, нравственно сильная женщина никогда не бывает так беспутна, как мужчины, и тем не менее мужчины вечно присваивают себе право неограниченного владыки, воле которого, пусть и несправедливой, женщина должна покоряться, и несчастные женщины. . .

Полчаса она распространялась на тему о том, что все человеческое общество грешит перед женщиной, заставляя ее терпеть и молчать. Она сама предпочла бы смерть такой жизни, но мысль о детях не позволяет ей разом прекратить свое мученичество.

— Но ведь у тебя нет детей. . .

— Безразлично,— решительно ответила она,— и тебя это совершенно не касается. Вы, мужчины, только на то и способны, чтобы угнетать женщин. У женщин нет защиты, никакой закон за них не заступится, они выданы на произвол своим тиранам. Ах, как я буду рада, когда от тебя избавлюсь! Не мешай мне, я должна выбрать по «Счастливому очагу» какое-нибудь особенное меню для сегодняшнего обеда.

— Но, дорогая,— робко заметил я,— зачем обязательно особенное, может быть, лучше взять что-нибудь совершенно обычное?

Жена даже не ответила.

Все утро передо мной витали призраки чудовищных, комбинированных блюд. С ужасом переступил я порог нашей квартиры.

Жена встретила меня поцелуем и победоносным заявлением:

— Сегодня у нас бараний шницель из вегетарианской говядины, фаршированный компотом из искусственной итальянской капусты, соус пикан [1]. Согласно новому рецепту из прошлого номера.

[1] Острый соус с уксусом и обычно с каперцами.

Написано это было прекрасно, но есть невозможно. Свою порцию я выбросил собаке; она понюхала, поджала хвост, залезла под стол и зарычала.

Моей дорогой женушке тоже стало плохо, и она попросила меня уйти, сказав, что хочет лечь. Когда я вечером вернулся, то нашел в столовой три, а в гостиной два ящика. В кухне стояла на ящике жена, отпиливая доски от другого ящика.

— Я тебя жду,— промолвила она спокойно.— В «Счастливом очаге» я узнала, что каждая бережливая хозяйка может сама приготовить из старых ящиков кровать для прислуги. Когда ты ушел, я продала кровать нашей прислуги и накупила ящиков и столярных инструментов.

...Ах, боже мой, боже! Я пишу это в Солуни, в Турции, куда сбежал от «Счастливого очага», который хочет осчастливить и облагодетельствовать каждое семейство.

II

Сбежав в этот город от «Счастливого очага», который приносит семьям счастье, я чувствовал себя совершенно счастливым, хотя в это время там и убивали христиан. Шесть раз я с трудом избег верной смерти, но это мне казалось пустяком по сравнению с необходимостью быть непосредственным свидетелем тлетворной деятельности «Счастливого очага».

Шесть недель я наслаждался блаженством, пока не получил письма от своей жены.

Оно было полно радости и любви. Жена писала, что после моего отъезда в Турцию она поняла, что не может жить без «Счастливого очага». Знаю ли я, что такое «Нурсо»? «Нурсо» — незаменимый в семейном кругу прибор для автоматической варки, который получит совершенно бесплатно одна из подписчиц. Кухня при этом не нужна, и поэтому она распорядилась убрать из кухни плиту, на место которой она поставит «Нурсо», когда его выиграет. «Нурсо» — это больше, чем плита; «Нурсо» означает счастье: она живо представляет себе, как я буду варить на «Нурсо» и как мы будем счастливы, имея его у себя. О моем внезапном отъезде она немедленно написала редак-

ции «Счастливого очага», и редакция прислала ей в знак участия двадцать сортов семян капусты и двадцать цветочных, а в почтовом ящике ей посоветовали подписаться на издаваемый Шимачком журнал «Четверолистник».

Письмо было очень нежно, и во второй половине письма жена просила, чтобы я разузнал и прислал ей рецепт приготовления настоящего турецкого пилава, который она опубликует в «Счастливом очаге», чтобы осчастливить и других читательниц. Это было первое желание, а второе поручение было раздобыть ей меню для скромной турецкой семьи на триста шестьдесят пять дней. Была еще третья просьба, чтобы я послал ей разные остатки турецких материй, из которых она, согласно наставлению в последнем номере «Счастливого очага», сделает тряпки для протирки зеркал.

Четвертое и последнее ее поручение дышало той искренностью, которая загнала меня в Турцию. Она писала, чтобы я при посредничестве австро-венгерского консула в Солуни попытался достать от турецкого правительства разрешение турецким женщинам издавать для себя журнал вроде «Счастливого очага». Сама же она изложит эти мысли письменно местному турецкому консулу и надеется на полный успех. Письмо заканчивалось сообщением, что, следуя совету, данному ей в почтовом ящике, она чрезвычайно практично использовала мой летний костюм, который я надевал два раза: распорола его и выкроила и сшила из него три пары детских штанишек, которые отослала в редакцию «Счастливого очага» с просьбой передать примерному мальчику, какой сумеет повлиять на своего отца, чтобы он выписал для мамочки «Счастливый очаг».

В конце письма стояли стихи:

О, «Счастливый очаг»,
Над нами, как над ребенком бди,
Будь счастливым очагом любви...

Прочтя это письмо, я проплакал всю ночь. Спустя две недели я был вызван в австрийское консульство. Консул, очень любезный человек, прежде всего показал мне присланную в консульство за ста пятьюдесятью подписями подписчиц «Счастливого очага» петицию о том, чтобы

турецкое правительство не препятствовало турецким женщинам читать «Счастливый очаг».

— После этого прислали для образца,— грустно продолжал консул,— годовой комплект журнала. Моя кухарка-чешка взяла его на ночь почитать, а сегодня уже совсем рехнулась. Пойдемте, посмотрите, что она вытворяет.

Мы пошли. Вход в кухню был украшен гирляндами роз, среди которых неумелой рукой на куске картона была выведена надпись:

«Счастливый очаг» приносит консульствам счастье».

Среди массы ящиков сидела моя землячка и строгала какую-то скамейку.

— Пст. . .— произнесла она, приложив палец ко рту,— потише, пожалуйста, чтобы «Счастливый очаг» не рассердился, что мешаете работать. Я делаю из этих ящиков, как советует «Счастливый очаг», современное и красивое кухонное оборудование. Хотите взглянуть на мою глину? — В углу возвышалась большая куча глины.— Я приготовлю из нее для этого дома, по указаниям «Счастливого очага», горшки и другую кухонную посуду.— Она схватила меня за руку и, сверкая глазами, воскликнула: — Увидите, мы будем счастливы, очень счастливы!

Держа меня за руку, эта добрая, сбитая с толку душа продекламировала:

— «Хотите, чтоб ваше счастье было обеспечено, чтобы никогда ничем не омрачалось, чтобы и в будущем,— чем дальше, тем больше,— на вас изливалось сияние счастья и душевного спокойствия? Подписывайтесь на «Счастливый очаг!»

Я сбежал, а утром следующего дня, едва проснувшись, встретил свою землячку у дверей.

Она тащила за собой здоровое бревно.

— Приношу вам этот кусок дерева,— сказала она.— Вы можете сделать себе из него вешалку, как рекомендуется в номере шестнадцатом «Счастливого очага». Купите себе в магазине вешалку и сделайте сами по ее образцу другую, а первую продайте или сделайте из нее изящную подставку для сундука. . .

В этот момент во мне созрел твердый умысел отравить всю редакцию «Счастливого очага», и в тот же день восточным экспрессом я вернулся в Прагу.

III

Когда я вернулся домой из Солуни, меня ожидал большой сюрприз. Гостиная была пуста, совершенно пуста: нашу стильную черную мебель моя милая жена продала во время моего отсутствия.

С сияющим лицом показала она мне различные картины на голых стенах, которыми она,— по ее словам, с большим вкусом,— заменила меблировку. Особое внимание она приложила к тому, чтобы реально нарисовать большое трюмо и пианино, так что, ухватившись за нарисованный стул, я очутился на полу.

— «Счастливый очаг» предлагает украшать свое жилище,— певуче говорила жена.— Ну, скажи мне, неужели этот нарисованный стул не выглядит лучше, чем настоящий?

Свалиться было решительно не с чего, поэтому я просто растянулся на полу.

— А почему, собственно, дорогая, ты продала нашу мебель? Может быть, в «Счастливом очаге» было также написано, что гостиная не нуждается в мебели?

— Глупенький, — возразила жена,— мебель я продала лишь затем, чтобы мы были счастливы и имели собственные зубочистки, то есть зубочистки собственного производства. Я прочла в «Счастливом очаге», что экономная хозяйка, чтобы сберечь деньги, должна сама делать зубочистки. Зубочистки, приготовленные ее собственной ручкой, делают ее мужа счастливым и довольным после каждой еды, и от таких зубочисток дышит тем истинным семейным счастьем, которого добивается «Счастливый очаг». Приготовленные дома зубочистки разливают свет счастья и удовлетворения, квартира молодоженов озаряется веселым облагораживающим покоем. Тогда я обратилась к редакции «Счастливого очага» с вопросом, как приготовлять дома зубочистки. Мне ответили, чтобы я купила «Домашнюю мастерскую», изданную «Счастливым очагом». Я купила сразу два комплекта, потому что, по словам «Счастливого очага», не следует покупать книги в одном экземпляре, так как это неуважение к умственному труду. Ведь даже обычные спички, глупенький, мы покупаем несколько коробок сразу. В «Домашней мастерской» была ссылка, что о производстве зубочисток следует читать в другом издании

«Счастливого очага»: «Домашний всезнайка», которое стоит тридцать крон. В «Домашнем всезнайке» я нашла заметку, что зубочистки обычно делаются из дерева и что подробнее об их изготовлении можно прочесть в старых комплектах издаваемого Шимачком «Четверолистника». Тогда я купила «Четверолистник» и прочла там, что зубочистки можно изготовить дома с помощью патентованного аппарата, который продается у фирмы «Братья Кудрин» в Люцерне (Швейцария), но можно также обойтись и обыкновенным ножом. Из «Счастливого очага» я знаю, что машинное производство гораздо дешевле, и поэтому выписала машину. Она влетела в четыреста восемьдесят франков. Где мне было взять деньги? Тогда я продала мебель из гостиной и твою библиотеку, потому что мне понадобилось много денег на липовое дерево и на водяной мотор для машины. Зная из «Счастливого очага», что покупать надо оптом, я постаралась и купила на Шумаве две столетние липы, велела их срубить, распилить и привезти в Прагу. А теперь слушай. До сегодняшнего дня я сделала восемь миллионов зубочисток, которые сложила в подвал и сарай соседнего дома, нанятый по случаю, очень дешево. Два миллиона зубочисток я пожертвовала «Счастливому очагу» для подписчицы, которая даст лучший рецепт картофельных оладий. А теперь у нас есть шесть миллионов зубочисток, и ты увидишь, мы будем счастливы, ужасно счастливы, тебе понравится дома, и ты никогда больше не уедешь в Турцию.

Я был так счастлив, что упал в обморок. Очнулся я в бочке из-под кислой капусты. Когда я вылез из нее, моя заботливая жена объяснила мне, что в «Счастливом очаге» когда-то было напечатано, что испарения кислой капусты предохраняют от обмороков. Она сошла вниз и купила пустую бочку из-под капусты.

— Что же теперь будет с бочкой? — спросил я.

— Оставлю ее в домашней аптечке или, еще лучше, посмотрю в комплекте «Счастливого очага»,— подожди я сейчас вернусь.

Она вернулась с прошлогодним комплектом и прочла:

— «Прилежная домохозяйка и из капустной бочки сделает истинное чудо. Немного прилежания — и капустная бочка вмиг превратится в детскую коляску. . .»

Я должен был снова сунуть на минуту голову в бочку.

— «...Еще лучше подойдет для детской коляски бочка из-под керосина,— читала жена,— потому что в ней не заводятся клопы».

— Ты видишь, теперь мы должны иметь детей.

За выполнением советов «Счастливого очага» мы провели время до ужина, когда жена отвела меня в столовую и дала мне полсардельки и граммов десять хлеба.

— В «Счастливом очаге» написано, что перед сном надо есть очень мало и после еды побегать, а еще лучше совершить горную прогулку. Если же нет возможности после скромного ужина подняться на гору, то можно ограничиться восхождением по обычной лестнице.

Жена повела меня на кухню, где к потолку была прикреплена лестница.

— Эту лестницу я приготовила сама по наставлению «Счастливого очага». Купила на аукционе четыре старых шкафа, и из них получилось это.— Ее глаза излучали блаженство.— Кроме того, у меня есть штанга; однако, чтобы не покупать ее,— ибо бережливая хозяйка неохотно тратит деньги на вещи, которые может сделать сама,— я выплавила ее сама из старых оловянных кружек, которые ты получил в наследство от бабушки.

От этого у меня разболелся желудок, и я должен был поспешить в уборную, пышное убранство которой поразило меня. Рука моей жены оборудовала эту уборную по лозунгу «Укрась свое жилище» действительно крайне стильно и удачно.

Заднюю стену заполняло нижеследующее восхитительное стихотворение:

Тихим счастьем любви полнится душа,
Молитву творит человек, чуть дыша:
О, дорогой очаг,
Любви хранитель благ,
Ты укрываешь нас от бурь!
Благослови сей порог, о любовь,
Чтобы зло не могло преступить его вновь!
Наши земные благослови дни,
Счастливый очаг наш здесь сохрани!

Жена вошла следом за мной в уборную, или, вернее, в храм искусств, украшенный персидским ковром из распроданной гостиной.

Нет, это была не уборная, это был счастливый очаг в собственном смысле слова, это было идеальное убежище счастливца, который мог здесь восторгаться и воспитывать свой эстетический вкус.

— «Украсим свои уборные!» — написано в прошлом номере «Счастливого очага»,— произнесла жена,— потому что человек проводит в уборной одну шестнадцатую своей жизни, что значит, по подсчетам «Счастливого очага», если человек проживет до восьмидесяти лет, то в уборной он просидит пять лет. И эти пять лет ему приходится провести в какой-то дыре, о которой никто не позаботится и проведенное в которой время портит его вкус. Уборная должна быть заботливо отделанным уголком и дышать тем истинным семейным счастьем, которого добивается «Счастливый очаг».

Не следует удивляться, что я просидел в этом уютном уголке всю ночь напролет.

IV

Раннее солнышко застало меня еще в этом идиллическом уголке, куда оно проникало через окно, оклеенное разноцветными квадратами бумаги, пестрыми, как в готическом соборе, лучами. Лучи падали на стену, где висело «Десять заповедей супружеского счастья» из «Счастливого очага».

Для меня наставал новый день с новыми страданиями, день, полный отчаяния.

Был понедельник, и я мог столь же безнадежно воскликнуть: «Недурно начинается неделя», как бедняк, которого в понедельник вели вешать.

Так я и воскликнул, когда, покинув в седьмом часу свое убежище, нашел на столе в столовой вместо завтрака большой кусок льда, а свою жену не менее энергичной, чем вчера. Перед ней, само собой понятно, лежал развернутый «Счастливый очаг».

— Мы будем теперь,— начала она вместо приветствия,— лизать лед натощак,— единственное средство сохранить на целый день веселое настроение. Читай!

На открытой странице журнала была статья «Почему эскимоски никогда не плачут?»

— Потому,— мой дурачок,— что они каждое утро сосут кусочек льда. Если бы ты прочел эту статью, ты бы знал, насколько эскимоска живет спокойнее, чем мы. Она знает, что вышла замуж за мужчину, а не за сверхчеловека, и сразу после брака она выбрасывает из головы всякую мысль, что с другим она была бы счастливее. Из любви к мужу эскимоска старается избегать ошибок и аргументами, а не слезами убеждает мужа. Они никогда не делают из мужа излишней уступчивостью своего повелителя. Золотые слова! Ах, если бы и у нас, в Чехии, женщины наконец поняли, что также имеют право работать рука об руку с мужем, который никогда не станет их владыкой. К сожалению, мы, женщины, до сих пор остаемся слишком податливыми, мы являемся бедными страдалицами, наша судьба — печальная участь рабыни, и в этом виновны мы сами, из-за своей уступчивости. Но отныне я не отступлю ни на шаг от своих убеждений и не позволю тебе в чем бы то ни было подавлять или ограничивать меня.

Бедная страдалица запихнула мне в рот кусок льда, как набивают гуся тестом: удивляюсь, как я не задохся.

Затем она принесла из кухни миску разрезанного кружочками сырого картофеля, посыпанного солью с тертым чесноком, и чайник с какой-то жидкостью.

Она налила мне чашку этого странного дымящегося отвара и пояснила:

— Будешь пить чай «Счастливого очага», за изобретение которого я получила первую премию — элегантные кухонные весы, так что у нас их теперь двое. Этот чай явился большой сенсацией, и его пьют повсюду, где экономят деньги на завтраках. Чай этот приготовляется из сушеных листьев фуксии, которую держат на окне почти в каждом хозяйстве, и обычного сена, кусок которого каждый может вытащить на улице из проезжающего мимо воза, чтобы получить счастье и завтрак. Для вкуса в чай добавляют тымьян или лавровый лист, корицу, гвоздику, а для экономии в сахаре кладут патоку. Получается весьма питательный и помогающий кровообращению напиток. Чай будет еще вкуснее, если к нему добавить листьев плюща, или, еще лучше,— цветов магнолии. Для цвета его настаивают на зеленом луке, а если не нравится запах, то на

тмине. Для больных желудком этот чай варится с вишневыми стеблями. Чай — универсальный, тебе безусловно понравится.

Чай произвел на меня примерно такое же впечатление, как если бы в рот попала навозная жижа.

— А что делают с этими кружочками сырого картофеля,— спросил я, опомнившись.— Кладут на живот вместо компресса?

Жена рассмеялась.

— Это едят, глупенький! В прошлогоднем комплекте я прочитала, что это едят на завтрак негры на острове Гаити.

— В пьяном виде?

— Да нет! Боже, как ты глуп! Чтобы не заболеть лихорадкой и лучше выносить климат.

Чтобы легче выносить муки климата, я съел один кружочек, от чего меня бросило в жар и холод: я дрожал, как собака, провалившаяся под лед.

— Я принесу тебе ликер «Счастливого очага»,— утешила жена, заметив при этом, что я выгляжу глупее любого кретина в мире.

Прежде чем я выпил, жена объяснила мне, что ликер «Счастливого очага» каждая заботливая хозяйка готовит дома сама. «Берется золототысячник, отваривается в черном кофе и пропускается через листья лаванды и сушеные грибы. Кипятят около часа, прибавляют на каждый литр по грамму очищенной соды и выжимают в смесь восемь лимонов. Литр напитка смешивают с литром рома и густо солят».

Она налила мне рюмку. Проглотив ее с закрытыми глазами, я почувствовал, как у меня желудок поднимается к потолку. Оставить своего верного друга в беде было бы непростительной изменой; поэтому я подскочил вместе с ним и застрял в фанерной стенке, отделяющей столовую от кухни.

Моя добрая энергичная жена не потеряла присутствия духа. Она побежала в кухню, чтобы лучше говорить со мной, так как половина тела с головой, пробив стенку, очутилась в кухне, и лишь задняя часть моей персоны насмешливо глядела на бутылку ликера «Счастливый очаг» в столовой.

Добрая женщина еще раз проявила себя превосходной и заботливой хозяйкой. Прежде всего она спросила, не лопнули ли у меня подтяжки. Я ответил, что не знаю. Тогда она сказала, что если подтяжки лопнут, она мне сошьет новые из моего цветного жилета или, лучше, из ковра: такие будут крепче.

Затем она стала перелистывать «Домашнего всезнайку», пока не нашла рубрики «Фанерные стенки». Оба мы были страшно рады узнать, что ремонт фанерных стен не требует больших затрат, но о ситуации, аналогичной той, в которой находился я, ни в «Домашнем всезнайке», ни в «Счастливом очаге» не было ни звука. Было лишь написано, что в тонкие фанерные стены не следует забивать больших гвоздей.

Прочтя это, жена начала меня всячески ругать. Однако моего положения это не изменило, и она задумалась, наконец, как бы меня освободить. Она заявила, что понимает громадное значение совместной жизни, но что бы это была за совместная жизнь, если б я продолжал торчать в фанерной стене, вместо того, чтобы идти рука об руку с ней! Она хочет жить жизнью счастливой и довольной, чтобы поддержать и меня в дни уныния и несчастий.

Ни с того, ни с сего она пустилась декламировать:

— «Отдай себе отчет в своих правах и обязанностях по отношению к себе, к семье и миру. Строго придерживайся в жизни своих убеждений. Как следует подготовься к материнству. (Во мне все горело. Только этого нехватало!) Подготовься к материнству как физически, так и духовно. Величайшее счастье в жизни учись находить в своих детях и воспитай их так, чтобы они были лучше и счастливее, чем их родители.

После этого она заявила, что идет переодеваться, а затем поищет домохозяина и поговорит со своим отцом, не купит ли он этот дом; потом она постарается убедить его, чтобы он отдал дом на снос и таким образом выручил меня. Тут же ей пришел в голову другой план: взять в полиции разрешение на приобретение динамита и взорвать стену. Вообще у ней один план был лучше другого. В конце концов, она решила пойти спросить совета в редакции «Счастливого очага».

Оделась и ушла. Это была тягостная минута, которая

становилась тем тягостнее, что возвращение жены растягивалось с минуты на часы. К счастью, в моих внутренностях начали сказываться результаты чая «Счастливого очага», сырого картофеля с чесноком, а может быть, и ликера. Следовало бы постыдиться рассказывать, но я до сих пор так рад, что не могу не написать об этом. В свое оправдание скажу, что в квартире я был совершенно один и, таким образом, не погрешил против светского этикета, а если я и вел себя не совсем прилично, то меня все же надо извинить, ибо это вызволило меня из более чем неудобного положения. Никто не поверит, какой незначительной детонации достаточно, чтобы свалить фанерную стенку. Конечно, с моей стороны это было неприличием, но после этого стена упала, и я вместе с ней. Таким образом я был освобожден и первым делом побежал открыть окно. Из окна я увидел свою дорогую жену, которая, заметив меня, кисло улыбнулась.

Взойдя наверх, она нашла, что с моей стороны это очень некрасиво: для чего же она заставила редакцию «Счастливого очага» выпустить специальную анкету на тему «Как удалять застрявшие в фанерной стене предметы?» Ей ответили, что случай представляет большой интерес и анкета будет многообещающей. Правда, она сказала, что в стене застрял не я, а пришедшая с визитом свекровь. На это ей в редакции разъяснили, что она должна любой ценой поддерживать мир и согласие с родными мужа. Главное, она должна относиться с уважением и любовью к свекрови, которая воспитывала и ласкала ее мужа раньше, чем она сама. Если свекровь застряла в фанерной стене, то ей надлежит с величайшей осторожностью вытащить ее с помощью пожарных.

Обо мне она не хотела рассказывать, потому что могли подумать, будто я сделал это спьяна.

Жена присела к столу и начала плакаться, какая она несчастная женщина: муж у ней пьяница, проламывает стены. Будь я в здравом уме, я бы этого не сделал, стало быть я — помешанный, полоумный, сумасшедший... Ей надо бы до свадьбы испытать мой характер, чтобы полюбить его, а не внешность. Ей надо было бы тогда еще спросить свою совесть, так ли глубоко она меня любит, чтобы вынести со мною даже тяжкие минуты жизни;

и лучше ей было бы отказаться во-время, ибо теперь она видит, что я — бродяга и бездельник. Ей ясно, что она потеряла всякое уважение ко мне, так как я имел смешной вид. Любовь без уважения непродолжительна: теперь она это поняла, увидев, как я из чистого сумасбродства держу голову на кухне, а ноги в столовой. Она рассмеялась и снова разразилась упреками. Безусловно, ей не следовало вступать в брак, питая столь идеальные надежды: тогда она не испытала бы горького разочарования. Хотя бы этот бездельник (то есть я) догадался попросить прощения. Нет, стоит, как пень, да и пень выглядит-де лучше, чем я. Я выгляжу, как полено. Она-то мечтала, что мы будем счастливы, что дух «Счастливого очага» своим очарованьем удержит нас в любвеобильных объятиях. Многим и многим создал «Счастливый очаг» счастье, многим и многим помог на тернистом пути повседневной жизни, но это не были такие сумасброды, как я. «Счастливый очаг» спешит на помощь добрым советом каждому разумному супругу. Она надеялась, что этот журнал станет моим другом и советником, утешителем и веселым собеседником, а я стою здесь, как болван. Неужели я не слышал, что именно по ее инициативе «Счастливый очаг» проводит анкету «Как удалять застрявшие в фанерной стене предметы?» Почему же я не беру в руки перо и не пишу, как я освободился из фанерной стены, чтобы тысячи и тысячи читателей знали, как себя вести в подобных обстоятельствах?

Я написал в «Счастливый очаг», как я этого добился, и подписался именем и фамилией своей жены. Надеюсь, редакция осталась довольной. . .

V

После пережитого я отказался от своего турецкого плана отравить пилюлями всю редакцию «Счастливого очага». Я хотел послать им отравленные пилюли с припиской, что я изобрел ароматические пилюли «Счастливого очага» и прошу редакцию испробовать их действие,— я готов послать каждой подписчице по коробке даром, чтобы ввести пилюли в обиход. Этот способ отправить на тот свет своего врага хотя и хорош, но ему нехватало

именно того, надеждой на что тешит себя всякий порядочный человек, задумавший отомстить. Не знаю, поймете ли вы, какое наслаждение отправить своего врага на тот свет. Конечно, вас так не преследовали, но меня одна мысль, как я их там буду убивать, приводила в неописуемое блаженство. Поэтому я признал за лучшее перестрелять всю редакцию.

На завтрак была каша «Счастливого очага» из пареных ржаных отрубей, что навело меня на мысль: не отравить ли мне пули?

Руководимый этим почтенным намерением, я вышел из дому и купил обычный револьвер и сто патронов. Я решил сделать из этих ученых людей настоящее решето.

Дом, где мне предстояло учинить массовое убийство, я нашел сразу и с удовольствием узнал, что главная редакторша принимает. Я говорю: с удовольствием, потому что с момента, когда револьвер очутился у меня в кармане, настроение мое сразу поднялось. Если все убийцы чувствуют себя так же хорошо, как я, то жизнь их прекрасна.

Помню, что дорогой я весело насвистывал и забрел в ресторанчик «У Иисуса» съесть гуляш и выпить пива. Мне в голову не пришло, что, может быть, всю остальную жизнь я буду хлебать лишь тюремную баланду. Я был убежден, что суд присяжных меня оправдает, если среди присяжных найдется хоть один, чья жена выписывает «Счастливый очаг». Он подтвердил бы своим коллегам те муки, о которых я порасскажу.

Помню, вечер был ясный и веселый, для того и созданный, чтобы убивать с улыбкой. По пути я встретил воз с сеном и увидел в этом счастливое предзнаменование, что перебью всех по порядку и мне за это ничего не будет.

С улыбающимся лицом вошел я в кабинет редакторши. Моя будущая первая жертва была пожилой дамой, интеллигентной на вид. Взглянув на нее, я сразу понял, что именно эта женщина додумалась превращать вмиг бочку из-под керосина в детскую коляску.

Приняла она меня чрезвычайно важно, с таким видом, будто она, по меньшей мере, произвела на свет всех великих людей, которых когда-либо носила земля.

Голос ее напоминал разъяренного проповедника, обличающего преступников.

Я представился как муж Адели Томас.

— В таком случае вы один из счастливейших мужей,— сказала она, встав и крепко пожав мне руку,— так как ваша жена, наша Адель, или, как мы ее называем, Вера Подградешинская-Баштова-Крумгольцева, — вы, понятно, знаете, что она выбрала себе этот звучный псевдоним! — наш лучший друг. В каждом номере читатели «Счастливого очага» получают от нее массу наставлений, по преимуществу касающихся кухни и семейной жизни. Кроме того, она учредила стипендию для неимущей подписчицы «Счастливого очага», и на-днях в ее пользу будет продана, как вам известно, ваша столовая. Ваша жена трудится для «Счастливого очага». «Счастливый очаг» в свою очередь поучает ее, как поступать в тяжелую минуту жизни, когда на человека обрушивается карающая длань судьбы.

«Подожду стрелять в нее,— подумал я,— пока она не кончит».

— Присядьте, счастливый муж,— предложила она, и я придвинул стул к ней поближе, чтобы без промаха угодить в ее окаянную пасть.

— Вы, безусловно, ужасно счастливы вдвоем с ней? Она каждый раз рассказывает, как мало-помалу создает по советам «Счастливого очага» уютное гнездышко, украшенное трудами ее рук. О, у ней золотые руки! Да и вообще она страшно мила и интеллигентна, она поняла, что должна быть для своего мужа энергичной и внимательной подругой жизни, веселым товарищем, а вы, со своей стороны, как она говорит и как я сама вижу, стараетесь сравняться с нею в воспитанности и посвящаете все свои интересы ее труду и забавам. Ваша семейная жизнь создает основу вашего довольства. Визиты, театры, концерты, развлечения,— пусть они лишь время от времени освежают вашу душу. Заботьтесь и о своей внешности, и о своей душе. Все лучшее отдавайте жене, которая так о вас заботится. Скрывайте от нее все низменное и помните, что ваша жена не любит празднословия. Останьтесь ей верны на всю жизнь и старайтесь, чтобы и она нашла в вас своего лучшего друга.

— Больше вам нечего мне сказать, сударыня? — спросил я, сжимая револьвер в кармане.

— О, у меня еще много на сердце. Вы, счастливые

мужья, тоже должны помогать «Счастливому очагу». Пропагандируйте его везде и всегда! Вспоминайте в обществе о нашем журнале, который сделал из вас счастливца, выглядящего таким довольным! Будьте нашим передовым бойцом и требуйте во всех кафе и ресторанах наш «Счастливый очаг», чтобы ореол счастья, которым вы столь полно наслаждаетесь, распространился на каждого чеха!

Я вынул револьвер и сказал:

— Сударыня, видите этот револьвер?

Она кинулась на револьвер, как будто это была подписная плата, и, прежде чем я мог опомниться, револьвер очутился в ее руках.

— Ах, значит, это и есть тот ценный предмет,— сказала она,— который ваша дорогая жена хотела в прошлый раз прислать нам для второй премии, которую мы выдадим за нашу анкету «Как приготовить за восемь копеек обед для семьи из пяти человек?»

Она положила револьвер в ящик, взяла меня за руку и привела в соседнюю комнату, где представила остальным сотрудницам редакции.

Что они там со мной делали,— не знаю; помню только, что я трижды падал в обморок, когда они меня учили завязывать галстук и убеждали делать галстуки,— для полного счастья,— самому из рваных кальсон. Подействовало, вероятно, и то, что они посвятили меня в те сюрпризы, которые приготовили для читательниц своего журнала.

Среди них был, например, совет готовить из стружек питательный кисловатый напиток, который, будучи сварен со сливками и выпит горячим, прекрасно помогает от насморка и оспы; впрочем, его можно пить и без насморка или оспы.

Из остатков промокательной бумаги, если ее разжевать, можно сделать чудесные запонки для манжет.

Зайца можно законсервировать в денатурированном спирте на целые годы, а потом пользоваться им, отрезая по кусочку, для разжигания. Сушеные майские жуки, если их растолочь или размолоть в муку, служат очень вкусной приправой при варке сытной каши для взрослых и детей; если же к толченым жукам прибавить немного золы, получится замечательное средство для чистки ножей и вилок.

Затем меня приставили к прибору для автоматической варки «Нурсо» и сфотографировали.

— Появится в следующем номере,— сказали мне,— за подписью: «Счастливый очаг» и «Нурсо» сделали меня счастливым и довольным».

Потом меня отпустили, и я припоминаю только, что у меня еще долго в ушах звучало: покупка... домохозяйство... кухня... домашняя мастерская... рождество... уютная квартира... фамильный домик... семейный садик... нашей детворе...

Вместо револьвера в кармане у меня оказалась булавка для заколки юбок с надписью «Счастливый очаг» и наперсток, на котором было написано: «Счастливый очаг» и наперсток делают счастливыми».

Вот видите. Никого я не убил, но волосы мои побелели, как снег.

Мною овладела глубокая меланхолия, и я вернулся домой уже не молодым и веселым, а физически и духовно опустошенным человеком.

VI

Первые два дня после визита в редакцию «Счастливого очага» я был совершенно безучастен к окружающему миру. Часто ловил себя на том, что машинально, надев на палец наперсток, часа три постукивал себя по лбу, бессмысленно глядя в пространство.

На третий день я попросил жену, чтобы она сделала из моего черного пиджака практичную дорожку для буфета, и ушел из дома.

В голове у меня вертелись странные мысли, и что-то меня толкало, чтобы я делился ими с проходящими мимо людьми.

Напрасно старался я сдержаться; дойдя до Вацлавской площади, я уже не мог больше выдержать и обратился к какой-то даме, рассматривавшей искусственные цветы в витрине:

— Сударыня, возьмите доску и четыре сигарных коробки, истолките их вместе, и у вас получится диван.

Раскланявшись с ней, я пошел дальше. На углу Овощной улицы я остановил прохожего:

— Вы хорошо сделаете, если сами будете приготовлять себе спички. Наколите щепок из ящика, купите серы, разведите ее, окуните в нее палочки, а когда просохнут, намочите их фосфором. Фосфор достанете в любой лавочке, предъявив удостоверение на право покупки ядов для истребления полевых мышей. Засим до свиданья!

Повернулся и пошел. Меня провожала уже небольшая кучка людей, значительно увеличившаяся пока мы дошли до Гавиржской улицы. Здесь я обратился к ним со следующими словами:

— Если хотите быть счастливыми, не выбрасывайте потрохов от куриц, будьте экономны. Купите к ним трюфеля и сделайте паштет. На сбереженные деньги купите зонтик и сделайте из него дешевые и изящные галстуки. Проволоку употребите на корзинки для печенья. Ручку украсьте петушиными перьями, получится метелка для мебели, и вы будете счастливы. Всего хорошего!

Толпа возрастала и шла за мной вплоть до Староместской площади, где меня остановил полицейский.

— Папаша,— обратился я к нему,— выдергивайте ежегодно из плюмажа[1] три-четыре пера, и через пять лет у вашей супруги будет чудесное украшение для зимней шляпы. Из сабли сделайте дома сечку для капусты, а из кобуры — элегантный портсигар.

— Ладно,— ответил он,— все это я сделаю, только пойдемте со мной, мне надо спросить разрешения в участке.

В участке меня осенила масса новых практических идей.

— Господин полицмейстер, купите себе «Счастливый очаг» и превратите участок в уютное гнездышко. Нары полицейские сделают сами. Письменные столы расколите на доски, а когда кого-нибудь арестуете, дайте ему пилку,— пусть выпиливает жене сахарницу к рождеству. Разукрасьте свои уборные, и вы увидите, как снизойдет очарование семейного счастья и освятит самый загаженный полицейский участок.

Полицейский врач констатировал тяжелую меланхолию. Послали за моей женой.

Жена пришла со связкой писем, так как ее в этот день

[1] Австрийские полицейские носили в то время на фуражке плюмаж из перьев.

избрали в комиссию по проведению анкеты: «Как удалять застрявшие в фанерной стене предметы?»

— Не беспокойтесь, сударыня,— обратился к ней врач,— ваш муж скоро выздоровеет. Лучше всего отправьте его в лечебницу. У него просто меланхолия, а вообще психически он здоров. Это явствует из того, что он признает, что солнце всходит и заходит, знает четыре части света и знает, что мы находимся в центральной Европе.

Мы с женой пошли домой.

Я ничего не имел против отправки в лечебницу, ибо сам чувствовал, что атмосфера, в которой я нахожусь, как-то странно влияет на меня.

Пока что мне пришлось вместе с ней разбирать полученные в ответ на анкету письма. Первое письмо было аршинным и содержало «Десять заповедей «Счастливого очага», касающиеся застрявших в фанерной стене предметов: 1. Выбирай квартиру, где нет фанерных стен! 2. Помни, что фанерные стены тонки! 3. Не требуй, чтобы тебе на фанерную стену вешали зеркало или картины! 4. Ничего не забивай в фанерную стену! 5. Не застревай! 6. Легко не вытащишь! 7. Ни за что не порть фанерных стен! 8. Не ругайся с женой, если за фанерной стеной чужие люди! 9. Гвозди вытягивай клещами! 10. Помни, что слишком длинными гвоздями можешь пригвоздить соседа к стенке!».

Я стал буйствовать и разворотил печь.

Тогда меня отвезли в лечебницу доктора Шимсы в Крч[1], где я яростно требовал «прибить вся и всех к стенам».

В лечебнице я встретил двух человек, чья судьба как две капли воды походила на мою собственную.

Первый из них имел несчастье жить с сестрой, которая выписывала «Счастливый очаг», у другого жена страдала той же неизлечимой болезнью, то есть стремлением создать по советам журнала уютное и улыбающееся гнездышко.

У меня была возможность наблюдать за ними. Они сторонились людей и целый день шептались между собой, а когда им казалось, что за ними никто не смотрит, сади-

---

[1] Крч — окраина Праги.

лись на корточки в саду под деревом, и один поучал другого:

— Возьми побольше яиц, насыпь немного муки, размешай и намажь на хлеб; хлеб запеки и подавай горячим на стол.

— Ощипай курицу, разруби ее так, чтобы она была похожа на объедки, свари с пряностями, уксусом и желатином,— будет студень.

Потом они брались за руки, подпрыгивали и кричали:

— Мы хозяйничаем, хозяйничаем!

Помню, что однажды я также очутился в их компании, и с тех пор мы втроем сидели на корточках и делились опытом, как работать дома на благо семьи, как, например, сделать из чернослива красивую рамку для картины, приклеив чернослив к рамке и позолотив его.

Позже все это появилось в «Счастливом очаге»: нас подслушала потихоньку племянница доктора Шимсы и переслала наши рецепты и наставления в «Счастливый очаг», где весь этот бред напечатали с благодарностью.

Мои два товарища были неизлечимы, вероятно, и я бы остался таким же сумасшедшим, если бы не разыгралось событие, настолько потрясшее мои нервы, что я разом пришел в себя.

Я не видел своей жены уже полтора года, когда доктор Шимса неожиданно сообщил мне, что со вчерашнего дня я являюсь счастливым отцом.

Сначала я рассмеялся, а потом стал считать месяцы: понимаете, сумасшедший, он быстро сообразить не может. Только через неделю я подсчитал, что ребенок не мой.

Тут ко мне внезапно снова вернулся рассудок.

VII

Когда человек ни с того, ни с сего становится отцом без малейшего к тому содействия со своей стороны, неудивительно, что его это озадачит. Но столь загадочная на первый взгляд вещь быстро разъясняется, если вы не принадлежите к числу простаков, как тот словак, который прожил десять лет в Америке и до самой своей смерти не смог понять, как его жена сумела тем временем произвести дома восьмерых ребят.

Вместо того чтобы благодарить бога, я стал размышлять, кому, собственно, я обязан этим сюрпризом. Мысли мои приняли другое направление, и через неделю я был отпущен из лечебницы, как вполне выздоровевший.

Вернувшись домой, я застал жену спящей, а возле нее моего чужого сына. С вашего позволения, я бы так назвал это маленькое пухленькое существо с невыразительной внешностью.

Я сунул ему в руку удостоверение о выходе из лечебницы и прошел в женину спальню на поиски следов того, с кем забылась моя добрая супруга. Вся мебель была сбита из дощечек и ящиков; свой будуар она отделала в столь потрясающем стиле, что при взгляде на плоды ее прилежания волосы у меня стали дыбом, я затрясся, как осина, и опустился на первое попавшееся чудовищное подобие кресла, составленное из старых чугунков. Моя золотая жена полагала, что будет тем счастливее, чем больше ящиков будет содержать ее мебель. В одном лишь письменном столе, который она старательно приготовила из дюжины курительных столиков и умывальника, я насчитал сто пятьдесят выдвижных ящиков и отделений.

Мои розыски были этим существенно затруднены. Всюду я натыкался на рецепты и наставления, пока наконец не набрел на папку с надписью «Дело моего мужа». Внутри нее лежали вырезки из почтового ящика и письма «Счастливого очага» с ответами на вопросы моей жене. Первое из них гласило:

«Госпожа Адель Томас! Судя по присланному вами письму, болезнь вашего мужа излечима. Надеемся, вы найдете душевную силу, чтобы не впасть в отчаяние; вы молоды, вся жизнь у вас впереди, стоит ли сокрушаться из-за того, что он вас не понял? Даже лучше, что ваш муж сошел с ума теперь, а не после нескольких лет счастливой супружеской жизни. Когда вы успокоитесь, напишите нам снова; ваши письма полны благоразумия, поэтому мы уверены, что вы послушаетесь нашего совета и не будете вешать головку».

Почитаем другое:

«Госпожа Адель Томас! Советуем вам серьезно подготовиться к наивысшей задаче, которая ждет женщину. Подумайте, что вы когда-нибудь будете матерью, что вы должны ею быть, и вас сразу покинут горестные мысли об одиночестве, которые приходят во время долгих печальных часов ожидания далекого мужа.— (Я утер слезу: все-таки она меня любила).— Утешайтесь надеждой, что и вы вступите в почетные ряды матерей, что и вы воспитаете достойного члена чешского общества».

В третьем письме было сказано:

«Госпожа Адель Томас! Не понимаем, почему вы жалуетесь? Вы же знаете, что «Счастливый очаг» — ваш искренний друг и советчик. Вы пишете, что становитесь жертвой меланхолии. У молодой, красивой замужней женщины, как вы, меланхолия быстро пройдет, как только вы станете матерью, ибо в материнстве найдете дополнение того счастья, которое вам доставляет «Счастливый очаг». С младенцем на коленях будете вы перелистывать наш журнал, и к вам снова вернется покой, и материнская любовь осыпет вас своими лучшими цветами. Да, ваше спасение в материнстве,— вот ваш лозунг».

Тут я все понял. «Счастливый очаг» захотел, чтобы она стала матерью, и она, как послушная подписчица, повиновалась, разумеется, без моего ведома.

Мне бы только узнать, кто меня заменил.

Я взял четвертое письмо.

«Госпожа Адель Томас! Согласно вашей просьбе посылаем вам своего агента по сбору подписки и объявлений».

Свой к своему! Агент «Счастливого очага» — к подписчице «Счастливого очага»,— никаких любовников. Милая моя жена, до чего ты последовательна! Нет, любовника не было,— был лишь агент.

Я прослезился от счастья и пошел взглянуть на жену. Она как раз кормила это дитя «Счастливого очага» и, заметив меня, в полной невинности воскликнула:

— Дорогой мой, золотой муженек. Посмотри, какой у нас малыш! Ему всего несколько дней, а как умно смотрит!

Я этого не заметил: напротив, я нашел, что он выглядит очень глупо.

Акушерка, сидевшая у постели, сказала:

— Весь в вас, сударь, и выражение глаз ваше.

Вполне возможно, что в этот момент я выглядел не умнее.

— Я не забываю о ребенке и уже попросила редакцию о совете. Вот читай! — снова начала жена.

У ней уже опять была куча этой дребедени.

«А. Т. Вы спрашиваете, как одевать маленького ребенка мужского пола. Вашему малютке очень пошел бы костюмчик из блузки, украшенной цветным воротничком, и коротких или длинных штанишек. Очень хорош также был бы практический костюмчик, так называемый спортивный, из шерстяной материи в рисунок. Особенно незаменим для школы. Для прогулок сшейте ему пальто, лучше всего из голубой гладкой материи».

Когда я прочел, жена спросила:

— Ну, забочусь я или не забочусь о нашей крошке? Ты читай дальше!

«Госпожа А. Т. Чтобы предохранить от появления зубного камня, надо аккуратно чистить зубы. Лучше всего, если вы сейчас же обратитесь с ребенком к зубному врачу».

— Помилуй, у него же еще нет зубов!

— Разве нет, я даже не заметила.

Она заплакала.

— Что ж ты плачешь, дорогая?

— Сейчас ты узнаешь самое ужасное. Читай!

«Госпожа А. Т. Вы пишете, что ваш ребенок не говорит и изъясняется лишь жестами, причем непрерывно су-

чит ногами. Это может происходить от разных причин, сводящихся к параличу речевых центров, возможно также, причиной является немота или падучая болезнь. Обязательно отведите ребенка к врачу, лучше специалисту, который вам посоветует, отдавать ли его в заведение для глухонемых. Вещь это очень серьезная, и всякое промедление может иметь тяжелые последствия».

— Но ведь он кричит,— пытался я успокоить жену.

— Я знаю, что кричит,— всхлипнула она,— но глухонемые тоже кричат.

С тех пор на меня начали периодически находить припадки судорожного смеха.

VIII

Ребенка назвали Феликс, что означает «счастливый». Святой Феликс был мучеником: не знаю, выписывала ли его жена «Счастливый очаг»...

За три дня до крестин жена послала меня в редакцию «Счастливого очага» спросить, как крестят детей и нет ли на этот счет каких-нибудь советов от читательниц, чтобы она могла первой их практически применить. Она угадала. Там было не больше не меньше, как сорок семь писем; большинство из них придерживалось прогрессивного направления. Там были советы молодым матерям, как одеваться на крестины, кого звать в гости и как обставить гостиную для крестин. Некоторые бережливые хозяйки требовали, чтобы вообще крестины праздновались без особой пышности. В марте, например, надо подавать к столу только гуся и зайца. Другие писали, что если крестины приходятся на зиму, то новорожденному надо посыпать на язык вместо кухонной соли нашатыря, который предохраняет от простуды. Мне дали все эти сорок семь наставлений и в придачу большую книжку с картинками, под заглавием «Счастливый очаг» — своим маленьким доброжелателям». Моему чужому сыну, трехнедельному Феликсу, предоставлялось перелистывать ее. Из редакции я ушел вполне утешенным, потому что редакторша сказала мне, что убедилась в моем полном выздоровлении. В благодарность я оставил редакции рецепт, как из поджаренной чечевицы

и спаленных хлебных корочек приготовлять настоящий цикорий.

Когда я вернулся домой, жена, затаив дыхание, кинулась на письма, особо тщательно выбирая те, где говорилось, чем надо кормить ее трехнедельного Феликса. В конце концов, она нашла письмо, где было сказано:

«Уважаемая редакция!

В течение сорока лет я тружусь как учительница в городской школе в П. Иметь детей было издавна моим желанием, но судьба, к сожалению, направила меня по учительской стезе, что, как известно, сопряжено с безбрачием. В течение долгого времени я подвизаюсь в литературе, на поприще воспитания грудных детей, потому что бываю в семьях, изобилующих этими чудесными куколками. Я знаю, как болезненно переживает мать, когда у ней нехватает молока, и достопочтенная редакция извинит меня, если я без застенчивости предложу уважаемой редакции ввести в журнал новый отдел: «Счастливый очаг» — грудным младенцам». Я знаю, как тяжела участь этих крошек, и поэтому сделала открытие, что материнское молоко можно с успехом заменить жареными жолудями. Мне пришлось недавно наблюдать, как отнятый от груди поросенок жадно набросился на предложенные ему жолуди. Выпив на ночь четыре чашки сгущенного отвара этих жолудей, я констатировала, что желудевый отвар не вредит и человеку. Поутру я чувствовала себя посвежевшей и полагаю поэтому, что слабый отвар молотых жареных жолудей должен был бы благоприятно подействовать на укрепление скелета младенца, ибо жолуди содержат, как известно, дубильную кислоту, которая излечивает пагубную болезнь, именуемую поносом. Если бы младенцам давали пить желудевый отвар, матери могли бы посвящать свое время вместо стирки пеленок вопросам литературы и общественной жизни. Поэтому прошу уважаемую редакцию использовать предлагаемый рецепт в очередном номере «Счастливого очага». Я убеждена, что после этого для чешского народа будет разрешен вопрос о намаранных пеленках.

Каролина Гусова

Лучшая пропорция: полкило жареных жолудей на пятьдесят литров воды».

Как только жена прочла это, она велела мне дать прислуге денег на покупку двух килограммов жареных желудей, а самому поискать двухсотлитровую бочку.

Потом нас заинтересовало письмо о том, как купать грудных детей. Это письмо написал, видимо, под давлением своей жены некий таможенный чиновник. Вначале он сообщал о себе, что ему шестьдесят лет, что он бездетен, что его жена выписывает «Счастливый очаг» и большая специалистка по части купания грудных детей. По ее мнению, новорожденных следует купать не просто в теплой воде, а в отваре из целебных кореньев, в изобилии растущих на Шумаве, в Крконошах и в Татрах[1]. Дитя, выкупанное в подобном отваре, быстро растет и становится настолько понятливым, что уже на втором году может ходить, отличать отца от матери и т. п. Если кто-либо из подписчиц проявит интерес, он готов прислать пакет, содержащий полкило этих корней, за четыре с половиной кроны. Письмо заканчивалось советом курить липовый цвет, являющийся непогрешимым средством против бешенства. Пакет липового цвета он посылает за пятьдесят геллеров. Мне пришлось тут же выписать четыре пакета для купания новорожденных и два — липового цвета, потому что мы проходим мимо дворничихи, у которой есть щенок. Из дальнейших советов мы позаимствовали указание, что заботливая мать уже при крещении должна выбрать будущую профессию своего дитяти. Моя жена заметила, что, когда она перед родами была в редакции «Счастливого очага», ей посоветовали воспитывать из ребенка композитора. Поэтому она заявила, что к крещению необходимо купить пианино, но прежде я должен зайти в редакцию «Счастливого очага» — узнать, не могу ли я сделать сам этот важный для воспитания нашего сына предмет. В подвале у нас как будто валяется большой ящик с чудесным резонансом; достаточно ударить в него ногой, чтобы услышать всю гамму. Кроме того, она поручила мне купить в какой-нибудь гостинице поломанные биллиардные шары, так как на клавиши нужна слоновая кость, а черное дерево доставит нам мебель из нашей приемной. Жена так восхитилась, что заснула и проспала два часа, в то время как я в недоумении сидел

[1] Шумава, Крконоши и Татры — расположенные в Чехословакии горные хребты.

в подвале перед резонирующим ящиком. Этот ящик был остовом пианино. Сколько мне известно, пианино у нас никогда не было. Когда жена проснулась, я спросил ее, как, собственно, попал в подвал этот остаток от пианино.

Она попросила меня в ответ принести из кухни поднос для конфет.

— Как тебе нравится? — спросила она с победоносным видом.

— Очень красиво.

— Как я рада! А знаешь, что он сделан из пианино? Я прочла в нашем милом и поучительном журнале, что из старой фисгармонии, которая при переезде все равно разобьется, можно сделать прекрасный поднос из черного дерева для сластей — они чрезвычайно эффектно отражаются на черном фоне. Я хотела взять в рассрочку старую фисгармонию, но так как на складе ее не было, то пришлось купить за полцены старое пианино. Я дала его переделать в фисгармонию и попросила рабочих, чтобы они при переноске уронили ее на тротуар, что они за хорошие чаевые и сделали. Верхняя доска отлетела так удачно, что за две недели поднос был уже готов и на организованной «Счастливым очагом» выставке рукоделия получил первую премию — комплект журнала «Любуша» за восемь лет.

Я с удивлением взглянул на эту энергичную женщину. Она добавила:

— Мы же должны прилично воспитать нашего Феликса, не правда ли?

Она выразилась «нашего», хотя я постоянно избегал этого слова в разговорах. Она думала, что я сумасшедший, но я ей показал, я сам посадил ее в сумасшедший дом. Ах, зачем я это сделал!

IX

Почему я отправил ее в дом умалишенных? — Очень просто. Едва прошло шесть недель, которые она провела в постели, размышляя над воспитанием Феликса, жена решила осуществить свой старый замысел и приготовить Феликсу коляску из керосиновой бочки.

Для этого она купила бочку керосина, но, будучи бе-

режливой хозяйкой, не захотела выливать керосин и потому купила керосиновую печь, так что мы с тех пор стали готовить на керосине. Так как это обходилось дороже, чем уголь, жена стала экономить на еде и с улыбкой говорила, что вводит месяц бережливости, месяц воздержания. При этом она утешалась тем, что вынимала у меня из кармана кроны, которые жертвовала затем в фонд борьбы за избирательные права для женщин. Она заявила, что должна руководиться примером датских женщин, обходящихся без помощниц в хозяйстве. А так как она считала, что датский союз женщин пропагандирует лозунг бережливости: «Ешьте как можно чаще у знакомых!»,— то водила меня по ее и моим знакомым с таким расчетом, чтобы появляться именно тогда, когда они садятся за стол. Мне было очень неприятно, когда она вынуждала хозяйку отдавать нам половину их обеда, который мы быстро проглатывали, но еще более стыдно было мне, когда она в довершение всего просила одолжить ей мелочь на трамвай. Разумеется, назад мы шли пешком, а выклянченные в буквальном смысле слова деньги она отсылала «Счастливому очагу».

Так продолжалось месяц. Однажды ее застигли у знакомых, когда она утащила котлету из чулана; тут ей пришлось самой признать, что ее поведение перешло все границы и что, по крайней мере, готовить надо дома, чтобы хоть избавиться от керосина. Настал день рождения моей матери, и она, счастливая, что может сделать подарок, который не надо покупать, послала матери пятьдесят литров керосина с письмом, в котором благодарила ее за мое воспитание и между прочим писала, что в вопросах брака родители играют чрезвычайно важную роль, которую можно сравнить с задачей верхней палаты, в то время как на детей падает задача палаты депутатов.

Мать моя написала мне по секрету, чтобы я показал жену психиатру.

Наконец вышло так, что одна из ее подруг справляла свадьбу, и жена отправила ей в качестве свадебного подарка маленького Феликса. В это время я подписывал договор на продажу нашего дома и не подозревал о случившемся, а вернувшись, даже не обратил внимания, что не слышно, как верещит маленький Феликс. Но тут она меня порадовала, что разрешила проблему с керосином. Керосина хва-

тит на год, и до этого она не сможет сделать из керосиновой бочки коляски для Феликса, а купить коляску — большой расход, мы и так чуть не на грани нищеты. Чтобы выйти из кризиса, она купила большую разукрашенную коробку для подарков, снабдила ее отверстием, положила в нее Феликса и послала сына дворника, чтобы он отнес ее в квартиру новобрачных Крамских, которые сегодня венчались. Молодая была ее лучшей приятельницей и прислала ей к свадьбе серебряное туалетное зеркало. Теперь она должна чем-нибудь ей отплатить и полагает, что Феликс является поистине роскошным свадебным подарком.

Схватив шляпу, я помчался к Крамским. Попал я как раз во-время. Они только что приехали из церкви и развертывали подарки: в эту минуту распечатывали разукрашенную коробку с моим чужим сыночком Феликсом.

Все же я чуточку опоздал, потому что Крамский только что признался, что это его сын от одной кассирши с Карлина [1], а тесть гонялся за ним по комнате с ножницами в одной руке и цилиндром в другой.

Молодую приводили в чувство, теща молотила Крамского палкой по спине, а распакованный Феликс лежал на столе и молча ходил под себя.

Прошло полчаса, прежде чем мне удалось разъяснить мадам Крамской, что речь идет, видимо, о другом ребенке, а это создание принадлежит моей жене, которая сошла с ума.

Тогда стали искать в куче свадебных подарков второго ребенка, но не нашли, и господин Крамский снова отрекся от всего, заявляя, что он все это наговорил со страха и сам не может объяснить, что такое он говорил.

Мадам Выханова, теща Крамского, вместе со мной отнесла Феликса домой, а присутствующие выразили мне свое глубочайшее сочувствие.

Тем временем жена, сидя дома, не ленилась: перед ней лежали исписанные четвертушки бумаги, из названия которых было очевидно, что они предназначались для «Счастливого очага».

Статья называлась: «Большая и маленькая физическая нужда до и после театра». В начале статьи писалось, что

---

[1] Карлин — район Праги.

в театр и на концерт мы идем, чтобы получить наслаждение, воспринимаемое главным образом органами слуха. Для этого требуется прежде всего спокойствие. Если, однако, мы чувствуем нужду, то о покое не может быть и речи: нам не до сцены, и поэтому подписчица «Счастливого очага» не должна выходить из дома прежде, чем удовлетворит свою нужду. После концерта или театра можно распорядиться со своей нуждой как угодно. . .

Вызванный психиатр сам увез ее в дом умалишенных.

X

Психиатру удалось так легко отвезти ее в дом умалишенных потому, что он сказал ей, будто одна из его пациенток в минуту просветления изобрела и записала ряд практических рецептов для домашнего хозяйства, в том числе исключительно практическую мазь для мозолей и обмороженных ног, а кроме того, написала капитальное наставление по чистке кухонных кастрюль.

Когда она очутилась в доме умалишенных, ей сказали: «Сударыня, вам надо немного у нас отдохнуть».

Она возражала, что находится в здравом уме и что, видимо, я сошел с ума, и потребовала немедленно перо и чернила, чтобы написать полную разумных советов статью, из которой каждый сразу бы увидел, что ее рассудок не помрачен.

Ее желание было удовлетворено, и она написала статью для «Домашней мастерской» «Счастливого очага»:

ТОЧИЛКА ДЛЯ КАРАНДАШЕЙ

При очинке карандашей в порядочной семье обычно много карандашей ломается, чего бережливая хозяйка, при нынешней дороговизне, конечно, не может вынести. При этом образуется также много стружек, которые никак нельзя использовать. То и другое доставляет хозяйке одни огорчения, поэтому практическая хозяйка нуждается в практической точилке для карандашей, которая необходима во всяком хозяйстве. Чтобы запастись материалом для приготовления точилки, надо купить у торговца фотопринадлежностями несколько пленок. Пленки можно выбросить, а катушки от них укрепить на дощечке, обтянутой наждачной бумагой. Тем самым приготовление точилки закончено, и мир и покой воцарятся в счастливом семействе.

К большому моему удовольствию, жену после этого оставили в доме умалишенных, а я пошел поделиться отрадной новостью с редакцией «Счастливого очага».

Им я сказал просто:

— Позволю себе довести до вашего сведения, что ваша лучшая сотрудница, моя жена, изобретательница универсального чая и универсального завтрака «Счастливого очага», только что водворена в сумасшедший дом.

Сообщил я им это с милой, приятной улыбкой.

Они страшно удивились, а когда я добавил, что ее оставили там после того, как она написала статью «Точилка для карандашей», то сотрудницы редакции, узнав подробности, воскликнули:

— Какая блестящая и оригинальная идея! Будьте любезны, продиктуйте машинистке эту статью. Налицо несомненно недоразумение,— ваша жена вполне здорова. Мы ее навестим и расспросим, как это вышло. Ее необходимо еще сегодня увезти.

Однако их старания не увенчались успехом. В доме умалишенных им сказали, что моя жена страдает манией сделать каждого счастливым. Как раз в данный момент ею овладела идея изобрести аппарат для варки яиц, и она все время говорит о каком-то семейном погребе с окном, устроенном на верхнем этаже.

Присутствовавшая при этом делопроизводительница какого-то женского кружка пришла в большое возбуждение и стала кричать, что для сдвигания гардин достаточно обычной резиновой тесемки, какая употребляется, чтобы не падала шляпа. К концу тесемки надо только пришить крючки и петельки... Ее оставили в доме умалишенных, но, когда она успокоилась, выпустили. Остальным позволили навещать мою жену, что причинило мне массу неприятностей. Моя добрая жена поняла,— настолько ума у ней хватило,— кому была обязана своим пребыванием здесь, и заявила им, что она стремилась лишь осчастливить меня, но я не хотел этого понять и, будучи душевно невменяемым, противился наставлениям ее и «Счастливого очага»: не хотел глотать петрушку в молоке, что помогает от выпадения волос, и не хотел мазать патоку на хлеб. Отказывал ей в деньгах на старые ящики, из которых она делала дома прекрасную мебель. Когда же она в заключение провозгла-

сила, что я, как и все мужья, идиот, у них рассеялись всякие сомнения в здравости ее рассудка, несмотря на то, что в медицинском заключении было написано, что она, как подписчица «Счастливого очага», может представлять опасность для окружающих.

Через три дня повсюду были расклеены следующие плакаты:

ПУБЛИЧНЫЙ МИТИНГ ПРОТЕСТА ЖЕНЩИН

И

ПОДПИСЧИЦ «СЧАСТЛИВОГО ОЧАГА»

На повестке дня: «Заключение одной подписчицы в дом умалишенных».

Митинг состоится в среду, в 3 часа дня, в здании хлебной биржи.

Одновременно будет демонстрироваться автоматический аппарат «Нурсо», который получит бесплатно одна из подписчиц.

Участницы собрания во главе с «Нурсо» будут сфотографированы.

Редакция «Счастливого очага»

На это собрание я пришел, переодевшись старухой, не слишком внимательно следящей за волосками на подбородке. До сих пор живо представляю себе хаос и стихийное возмущение, ужаснувшие меня. Убежден, что если бы я был случайно обнаружен, то меня при общем ликовании сварили бы всмятку в автоматическом приборе.

Автоматический прибор «Нурсо» возвышался на ораторской трибуне, и его появление было встречено бурными аплодисментами.

Докладчица произнесла блестящую речь, из которой теперь только я узнал, какой я подлец. Я-де и невменяем, и не читал «Счастливого очага», и алкоголик, и отказывался жевать конские каштаны, чтобы протрезвиться.

— Супружество,— заявила она,— тягчайшее испытание в жизни. И если невменяемый супруг отваживается запе-

реть свою жену в дом умалишенных лишь за то, что она старается создать счастливое хозяйство по всем правилам нашего журнала, то мы должны заявить, что этот брак был несчастием для благородного существа, не думавшего ни о чем, кроме общего блага, и сотнями своих советов сослужившего службу всем вам, наверно, читавшим поучительные статьи нашей великой мученицы Адели Томас, которая, будучи вполне здоровой, сидит все же в доме умалишенных.

Так продолжалось без конца.

Выступило еще несколько ораторш, которые нападали на меня, как на величайшего босяка, затем была послана телеграмма протеста министерству внутренних дел. После этого, сфотографированные во главе с «Нурсо», участницы митинга с криками: «К дому умалишенных!» — ринулись на улицу.

Но на улице они были рассеяны полицией. Демонстрация все же не обошлась без жертв. Один полицейский был легко и четверо тяжело искусаны. На двух подписчиц «Счастливого очага» пришлось надеть смирительные рубашки, причем они кричали: «Счастливый очаг» приносит семьям счастье! Да здравствует «Нурсо», прибор для автоматической варки!»

На другой день я получил множество анонимных писем, написанных нежными женскими ручками; в одном письме мне даже угрожали воткнуть при первой встрече зонтик в горло.

XI

Нельзя представить, что я вытерпел, когда жена села в дом умалишенных. Я стал объектом необузданных нападок ряда журналов, которые восприняли всю историю с ее гуманитарной стороны. Падкие до сенсаций листки изобразили меня, как извращенного индивидуума, поступающего так в угоду своим любовницам.

Я получал одну анонимку за другой.

Большинство из них были написаны, как сказано, подписчицами «Счастливого очага». Их выступления против меня учащались, речь шла уже не о том, чтобы всадить мне зонтик в горло, как писала упомянутая корреспондентка, а о наших супружеских отношениях вообще.

Затем я получил новый номер «Счастливого очага» с приятной статьей о себе. Собственно, это был доклад на памятном митинге, старательно обработанный для печати. Нападки на меня держались в пределах приличия, что я высоко оценил. Вместо слово «упырь», как выразилась писательница на митинге, было написано «вампир»; меня называли уже не «сводником», а «торговцем живым товаром». Статья была написана весьма спокойным тоном и трактовала вопрос о супружестве, а именно о серебряной, золотой и бриллиантовой свадьбах. Статья упоминала о борьбе против дороговизны и заканчивалась призывом к женщинам не позволять мужьям курить.

Я вернул номер в редакцию, но с очередной почтой получил следующее письмо от администрации «Счастливого очага».

«Милостивый государь!

Среди возвращенных нам номеров мы нашли также и посланный в свое время вам. Мы полагаем, что налицо недоразумение, ибо не видим никаких причин, почему бы вам возвращать наш журнал. Мы не сомневаемся, что вы увидите свою ошибку и останетесь и впредь верным своему журналу. Ожидаем подтверждения и остаемся с совершенным почтением.

Администрация *«Счастливого очага»*

Вместе с письмом пришел снова и возвращенный мне номер.

Я опять отослал его назад и получил новое письмо:

«Милостивый государь!

Мы заметили, что вы вторично вернули наш замечательный журнал «Счастливый очаг», который безусловно не раз был вашим советником во всех вопросах вашей личной и общественной жизни. Посылаем вам одновременно номер нашего журнала, который и впредь останется вашим другом. Надеемся, вы не обманете нашего доверия».

Администрация *«С. О.»*

Я отослал журнал в третий раз.

В ответ пришло новое письмо:

«Милостивый государь!

Доводим до вашего сведения, что между вновь возвращенными номерами мы обнаружили в третий раз посланный вам журнал. Тем не менее позволим себе послать его вам четвертый раз, полагая, что одного возврата журнала для прекращения подписки недостаточно. Мы не сомневаемся, что, внимательно прочтя богатое содержание журнала, столь важное для каждого хозяйства, вы снова станете нашим другом. Просим вас сообщить свое решение письменно.

С совершенным почтением администрация «С. О.»

Я снова вернул проклятый номер и написал открытку, в которой заявил, что не хочу иметь с ними ничего общего и возвращаю журнал.

Однако номер прислали обратно с письмом:

«Милостивый государь!

В только что полученной почте мы нашли вашу открытку, в которой вы заявляете, что не хотите иметь с нами ничего общего, и возвращаете нам журнал. Мы надеемся, что вы просмотрите номер, который мы вам опять посылаем, и убеждены, что наш журнал становится незаменимым другом всюду, где его получают, и что вы также не закроете ему доступ в ваше хозяйство. Кроме того, позволяем себе обратить ваше внимание на то, что простой открытки с указанием, что вы не желаете иметь с нами ничего общего, решительно недостаточно, чтобы прекратить подписку на журнал. Просим вас известить о своем решении, которое, надеемся, будет в нашу пользу, особым письмом. Одновременно обращаем ваше внимание, что если вы внесете подписную плату до 6 часов вечера 29 декабря т. г., то получите в виде премии справочник «Что готовить сегодня?» и будете включены в список подписчиков, между которыми будут разыграны дальнейшие премии. В качестве такового вы могли бы получить, если жребий упадет на вас, прибор для автоматической варки «Нурсо», который устраняет необходимость в кухне и обеспечивает ежедневно обед из трех блюд без всякого запаха. Льстим себя надеждой, что вы учтете эти преимущества, и остаемся в совершенном почтении.

Администрация «С. О.»

Я написал администрации дерзкое и категорическое письмо о том, что в последний раз возвращаю им присланный номер.

На следующий день я получил следующий ответ:

«Милостивый государь!

Мы были крайне удивлены, найдя в сегодняшней почте ваше письмо, в котором вы запрещаете дальнейшую высылку нашего журнала. Мы убеждены, что вы, вероятно, не успели ознакомиться с теми выгодами, которые вам предоставляет «Счастливый очаг», и позволяем себе снова послать вам номер в уверенности, что вы и впредь останетесь сторонником нашего журнала, ибо простое заявление, что вы не желаете получать журнал, никак не достаточно для прекращения подписки. Не сомневаемся, что и вы пожелаете стать участником выгод, предоставляемых «Счастливым очагом».

С совершенным почтением «*С. О.*»

— Браунинг! — вскричал я.

XII

Браунинг — прекрасное смертоносное оружие, но вспышка духа самообороны еще прекраснее. В прошлый раз, когда я был обуреваем этим желанием, я был, признаюсь, невменяем. Но теперь я поступил в полном сознании. Допускаю, что администратора я уложил в припадке вспыльчивости, но остальных, кого я застал в редакции, я перестрелял без гнева, как-то механически, извиняясь перед каждой жертвой за мое предвзятое к ней отношение. Знаю определенно, что при стольких убитых у меня нет шансов на монаршье помилование, и я буду по закону повешен.

Последние дни моей жизни здесь, в тюрьме, отравляет лишь то, что из тюремной библиотеки мне дали читать старый комплект «Счастливого очага».

Вчера пришел мой адвокат и сообщил, что мой чужой сын, маленький Феликс, объявлен премией «Счастливого очага» для бездетных подписчиц, так как журнал продол-

жает выходить: ответственная редакторша, оказывается, спаслась, залезши в автоматический прибор «Нурсо».

Теперь я сижу спокойно на тюфяке и вспоминаю минувшие дни и свою жену, сидящую в доме умалишенных. Чувствую я себя хорошо и пойду на виселицу без раскаяния; напротив, я доволен своим поступком. Единственное на свете, что занимает меня: кто из подписчиц получит в премию несчастного Феликса?

В дополнение к этой трагедии мы даем краткий отрывок из заметки одной пражской газеты о казни Томаса.

«...Осужденный, когда его подвели к виселице и помощник палача начал ему связывать ноги, цинически улыбнулся и крикнул: «Счастливый очаг» приносит счастье!» — причем насмешливо указал на горло».

Таковы были последние слова этого преследуемого мужа, когда-то игравшего столь выдающуюся роль в чешской жизни.

ХОМЯК

В утренней газете появилось следующее объявление:

> Немедленно продам или выменяю на что угодно живого хомяка. Прага III, Пласская, 2-й этаж, 4-я дверь налево.

Маленькое объявление, но в нем чувствовалось безысходное отчаяние.

Читатели не обращали на него внимания, и только Богуслав Гонзатко, гимназист второго класса, которому сегодня идти в школу только к девяти часам, проявил к нему интерес. В квартире он остался один. Отец на службе, мать ушла с сестрой Эммой, которую собираются послезавтра выдавать замуж, за покупкой каких-то вещей к свадьбе. Прислуга также, воспользовавшись случаем, побежала на свидание со своим любовником куда-то в механическую мастерскую и просила его не забыть хорошенько закрыть за собой дверь, а ключ отдать дворнику. При этом она назвала его «Болушек» и погладила по голове. Они дружили друг с другом, так как оба были в семье самыми преследуемыми и гонимыми существами. Если какой-нибудь день проходил без скандала с Анной, то обязательно попадал в какую-нибудь историю Богуслав и наоборот. Поэтому они поддерживали друг друга.

— А что мне говорить, Анна, в случае, если придет мать?

— Скажи, что ко мне приехала тетя.

— Хорошо,— важно сказал Богуслав и принял на себя управление квартирой. Он сел в качалку и стал читать газету, пока не напал на объявление о хомяке.

Прочитав объявление, Богуслав взволновался. Он обладал, как и все второклассники, очень романтическим характером, и его заинтересовал настоящий, живой хомяк. Его всегдашней, заветной мечтой было поймать какого-нибудь дикого зверя и держать его в доме. Он грезил об экспедиции в Индию за молодыми тиграми, об огромном берберийском льве, который слушался бы только его, спал бы на кровати его сестры (иначе кровать будет свободной, когда эту женщину выдадут замуж!) и по его знаку съел бы классного наставника вместе с его штрафной книгой. Иногда ему казалось, что в корыте вместо белья лежит его ручной морж, который ест за него ненавистную ему пшенную кашу; что у него есть молодой дрессированный слон, который выполняет за него различные домашние поручения, как то: ходит для отца за газетой или за табаком, покупает сестре ноты и бумагу для писем (она все писала письма жениху).

И вот теперь его мечты могут осуществиться. Правда, вместо тигра придется довольствоваться хомяком, но зато хомяк будет у него наверняка!

Неужто в доме не найдется ничего, на что можно было бы выменять хомяка? Разве у его сестры не лежит в сундуке довольно приличное приданое, только вчера сосчитанное и перевязанное голубыми лентами? Если из этих свертков вытащить по одной рубашке, разве об этом догадаются? Разве эта шлюха (Эмма) напялит на себя все? Конечно, нет! А разве у отца не спрятана в столе коллекция старинных денег? Да, вообще, мало ли в этой квартире добра, на которое при желании можно выменять хоть триста хомяков!

Молодой Гонзатко приступил к действиям. Прежде всего необходимо добраться до приданого. Это не так-то легко. Но Гонзатко хорошо знал, где спрятан ключ. Он начал с того, что в кухне, в плоском ящике для хлеба, нашел маленький ключик от шкатулки, облицованной карлсбадским камнем. Эта шкатулка находилась в комнате на гардеробе, стоявшем у двери. Когда Гонзатко открыл шкатулку, то внутри нашел другой ключ от стоявшего в спальне

шкапа. И только в этом шкапу, в левом углу, под белыми перчатками находился ключ от сундука с приданым.

Из одного свертка Гонзатко вынул пару роскошных дамских панталон, а из другого — ночной халат и привел все снова в порядок. Ключ положил на свое место и с необычайной уверенностью, благодаря продолжительной практике (перед пасхой он уже лазил в сундук за конфетами), закончил свою экспедицию тем, что уложил последний ключ в хлебный ящик.

Затем вторгся в письменный стол отца. Это было куда легче. Отец, по мнению Гонзатко, весьма легкомысленно прятал ключ от стола тут же, под старыми часами с алебастровыми колонками. Из роскошной коллекции старых монет он взял только один большой старинный талер, затем закрыл стол, а ключ положил на старое место. Потом начал выбирать из пачки лежавших книг такую, которую можно было бы ассигновать на хомяка. Он хотел и сам в некоторой доле участвовать в расходах, связанных с этим романтическим предприятием. Его выбор пал на книгу «Храбрый капитан Коркоран». Это была одна из самых сохранившихся его книг: в ней нехватало всего-навсего двадцати четырех страниц.

Затем он сел к письменному столу и на четвертушке бумаги написал:

> «Объяснительная записка. Настоящим подтверждаю, что мой сын Богуслав Гонзатко сегодня не мог явиться в школу по болезни живота.
>
> *Вацлав Гонзатко*»

В течение двух лет, благодаря долгой практике, ему удалось в совершенстве копировать почерк отца. Записку он спрятал в карман, белье Эммы аккуратно завернул в газету, связал, взял учебники подмышку и вышел из дому, оставив ключ у дворника.

Учебники он занес к одному знакомому торговцу, которому сказал, что возьмет их по возвращении из школы. С собой он захватил только «Природоведение», которое он по дороге продал букинисту, чтобы иметь в кармане мелочь на всякий случай.

Гонзатко легко отыскал Пласскую улицу и был принят парою пожилых супругов, выглядевших крайне утомленно.

Когда он объяснил им цель своего прихода и предложил обменять хомяка на следующие практические вещи: пару дамских панталон, ночной халат, старинный талер и книгу «Храбрый капитан Коркоран», лица супругов прояснились. Они провели его в гостиную и стали рассказывать странную историю, из которой Гонзатко понял только то, что четырнадцать дней тому назад к ним перебрался странный господин с хомяком, заявивший, что изобрел специальное средство для животных, предохраняющее их от зимней спячки.

— Я решил,— говорил этот господин,— испытать свое средство на этом хомяке. Если мне удастся во время начала спячки животного продержать его в состоянии бодрствования, то мое изобретение разрешит великую проблему и будет иметь огромное значение. Если хомяки не будут спать, то, естественно, они не будут так долго жить, а значит, и уничтожать столько хлеба. Они, по моему расчету, не будут доживать до третьего урожая. . .

— Наш квартирант,— рассказывал хозяин молодому Гонзатко,— хотел написать о своих опытах книгу и все время изучал хомяка, которого держал в большой бочке. Он подливал снадобье в воду, которой он поил хомяка, и, действительно, хомяк находился в весьма возбужденном состоянии. Так как это средство он держал в бутылке от коньяка, то один раз я по ошибке выпил рюмку, после чего не мог спать пять ночей. Затем из провинции приехали его родственники и по предписанию врачей увезли его куда-то в горы, а хомяка оставили у нас. . .

— Этот хомяк — очень милое существо, очень уютное,— говорили они так, словно заучили наизусть.— Мы дадим вам для него старый мешок из-под картошки.

Когда на очень уютное и милое существо набросили мешок и шинель, то он так угрожающе фыркнул, что романтический Гонзатко сразу почувствовал себя в окружении хищников. А когда он шагал по улице с мешком за спиной, в котором прыгал и метался рассерженный хомяк, то воображал себя известным укротителем тигров Рауаг Рабуром из Бомбея.

Так как было еще рано возвращаться домой «из

школы», то он занялся покупкой припасов для питания хомяка. За все вырученные им от продажи «Природоведения» деньги он мог купить всего-навсего маленький кулечек зерна, которого хватит зверку не больше, чем на один раз. Только теперь Гонзатко почувствовал, какую ответственность он принял на себя. Кроме того, когда он стал подходить к дому, его охватило беспокойство. А что, если его выгонят из дома вместе с хомяком? Как объяснит он его появление? Что ему выдумать? Ну да, этот хомяк принадлежит гимназии и предназначается для коллекции по природоведению, причем его, Гонзатко, учитель Бернашек попросил подержать зверка у себя до тех пор, пока у него не появится новая шерсть. Затем родители, вероятно, его выдерут.

Все пошло по порядку, ему только не поверили, что его просили взять хомяка,— конечно, он вызвался сам, — все же отец и мать, надеясь, что их сыну удастся стать на хорошем счету у учителя, сперва не обнаружили особого беспокойства.

Для хомяка освободили бочку и поставили ее в передней. В течение нескольких часов хомяк — собственность уважаемого учебного заведения — пользовался известным почтением. А затем обнаружилось, что он распространяет какой-то странный запах. В связи с ожидавшимся приходом жениха Эмма вылила на хомяка целый флакон духов, после чего он забился в угол бочки и начал противно и яростно рвать зубами брошенный туда Гонзатко мешочек с зерном.

После обеда Гонзатко ушел снова в школу, отец — в контору, мать со счастливым женихом и невестой опять пошла за покупками, а прислуга снова ушла на свиданье. К вечеру возвратившееся семейство обнаружило, что хомяк выбрался из бочки и поселился рядом в комнате, в диване. Над ним висела большая картина, изображающая бесконечное поле с созревшей пшеницей, которая, вероятно пришлась ему по вкусу. Кроме главного входа в свое логовище, на самом сидении, хомяк прогрыз в диване еще две дыры, предназначающиеся для выходов в случае крайней необходимости. При переселении он перенес туда же и все зерна из бочки. Как только кто-нибудь приближался к дивану, из логовища неслось свирепое прысканье: хомяк давал понять, что его не так-то легко выжить из нового жилища.

— Нечего сказать, хорошую штуку навязала нам гимназия! — свирепо сказала госпожа Гонзатко.

Эмма предложила залить логовище водой, и тогда хомяк сам оставит диван, но это предложение было отвергнуто по той причине, что от воды испортилась бы плюшевая обивка, как будто в этой изгрызенной со всех сторон хомяком мебели можно было еще что-то испортить.

Гонзатко, на которого сыпались проклятия всего семейства, словно он сам прогрыз все эти дыры в диване, принес книгу «Жизнь животных» Брэма и стал искать, не сказано ли там, как удалять хомяков из дивана. Однако такого случая не предусмотрел даже Брэм. Он вычитал только, что если на хомяка напасть, то он защищается до последнего издыхания.

Мать и Эмма ушли на кухню и стали совещаться с Анной о дальнейших мероприятиях. Анна советовала выкурить хомяка из дивана, забить все выходы бумагой, полить керосином и зажечь. Это безумное предложение было отвергнуто, и решили дожидаться главы семьи. Господин Гонзатко оказался тоже мало сообразительным. Некоторое время он тупо смотрел на хомяка, временами демонстративно выглядывавшего из норы в диване и дерзко прыскавшего, затем дал затрещину сыну, грубо обругал всех, оделся и поспешно ушел в винный погреб, где после второго литра завел разговор с незнакомым соседом:

— Представьте, мой сын, второклассник, напустил в диван. . .

— О, это я знаю,— перебил его сосед,— клопов я не люблю. Кто только заносит их в школу. . .

— Нет, я не об этом,— перебил его Гонзатко,— мой сын пустил в диван хомяка.

— Не валяйте дурака, сударь,— сказал нервно сосед, очевидно, лечивший свою нервозность в тихом погребке.— Чего только люди нынче не выдумают? Что же я, по-вашему, похож на идиота?

— Никак нет, сударь,— ответил подбежавший официант, полагая, что вопрос относится к нему.

Нервный господин расплатился и вышел.

«Странный человек,— подумал Гонзатко.— Я хотел искренне рассказать ему о хомяке и попросить у него совета, а он обиделся».

Гонзатко погрузился в свои печальные мысли. После третьего литра он пришел к убеждению, что в диванах приличных семейств изредка водятся хомяки...

Около десяти часов он так путанно рассказывал своим собутыльникам всю историю с хомяком, что получилось, будто хомяк был поселен в его диван согласно приказу земского школьного совета.

Дальнейшее течение событий в его памяти было несколько затуманено.

Он смутно припоминал, как потом шел ночью по улицам с одним господином, который назвался торговцем животными. И действительно, потом они очутились перед каким-то магазином, который этот господин открыл.

Проснувшись рано утром, пан Гонзатко обнаружил на своем ночном столике небольшую корзину, в которой что-то попискивало. Мало-помалу он вспомнил, что эту корзину он принес из того самого магазина, в который заходил ночью с торговцем животными. Открыв ее, он увидел двух белых зверков с красными глазками.

— Чорт возьми, что это за звери? — вздохнув, воскликнул Гонзатко и начал усиленно размышлять. «Ну да, так это и было». Он вспомнил, что в возникшем споре в погребке торговец животными клятвенно уверял, что лучшее средство выжить хомяка — это белые хорьки. Вообще белые хорьки верное средство против всех грызунов. Их надо пустить в нору, и они выгонят хищника; стоит их пустить в диван, и история с хомяком будет исчерпана.

Он поделился своим планом с остальными членами семейства. После завтрака белых хорьков осторожно пустили в диван и стали ждать результатов.

Из нутра дивана сперва раздалось прысканье и шипенье, а затем какое-то приятельское мурлыканье. Через минуту появились головки хорьков, а затем и сам хомяк. Он мрачно осмотрел семейство Гонзатко, пронзительно фыркнул и опять скрылся. Молодой Гонзатко осторожно приблизился и заглянул в отверстие дивана.

— Белые хорьки,— сообщил он результат своего наблюдения,— лижут хомяку голову!

Увы, это было так! Хорькам, очевидно, весьма понравилось новое место! Тем временем Гонзатко принес Брэма и, ко всеобщему огорчению, вычитал, что белые хорьки

в неволе быстро размножаются. Очевидно, покойник Брэм в своей жизни имел неприятности с белыми хорьками, ибо он, основываясь на собственном опыте, утверждает, что они не выносят запаха морских свинок.

Гонзатко поспешно оделся.

— Ты куда? — несмело спросила госпожа Гонзатко.

— За морскими свинками,— внушительно ответил он и захлопнул за собою дверь.

Принесенные через полчаса три морские свинки издавали ужасный запах. Это были экземпляры, выбранные специально по просьбе пана Гонзатко.

Тем временем пришел жених, оказавшийся бабой. Он заявил, что боится морских свинок, и не тронулся с места, чтобы впихнуть их в нору к хомяку. Он заявил, что его хотели принести в жертву.

В конце концов, его удалось уговорить. В отчаянии со словами: «Они меня искусают» — он схватил одну свинку. Он не ошибся. Свинка вцепилась ему в руку, и он с криком отскочил от корзины. Тогда все надежды сосредоточились на молодом Гонзатко. Он оказался героем. Правда, он трусил сильно, но, в конце концов, ему удалось всех яростно защищавшихся свинок впихнуть в нору. Между тем жених с состраданием смотрел на господина Гонзатко и думал, что едва ли он нормален, если держит в диване такой зверинец.

Не знаю, способны ли морские свинки на чувство сожаления. Если да, то они безусловно сожалели, что так неблагородно отнеслись к своим благодетелям. Ведь в их новом жилье было так уютно. Приятная веселая компания, куда ни посмотри, кругом полно морской травы, которой набит диван. Общеизвестно, что морские свинки жрут все. У меня самого была морская свинка, которая за мое двухдневное отсутствие съела альбом с фотографиями и превратила все милые лица моих родственников в кучу черных орешков. Таким образом выяснилось, что Брэм ошибся, так как белые хорьки совершенно не реагировали на запах, исходивший от свинок, и не покидали убежища. В диване царил райский мир и согласие. Хомяк самоотверженно согревал хорьков, а морские свинки уткнули головы в их мех.

Пришлось собрать большой семейный совет.

Жених, искушенный каким-то зоологическим азартом, ни за что не хотел остаться безучастным и заговорил о ежах. Он говорил достаточно логично. Еж, утверждал он, покрыт тысячью колючих иголок. Если бросить в нору ежа, то он наверняка выживет оттуда весь зверинец. Он остроумно уверял, что звери бросятся согревать ежа и страшно разочаруются, наткнувшись на его острую щетину, и сам вызвался пойти купить это животное.

— Купите уж лучше сразу двух, господин Кратохвил,— заботливо сказала госпожа Гонзатко.

Господин Кратохвил, уже уходя, в дверях, успел сказать, что еж вообще полезное домашнее животное, так как ест тараканов.

Два ежа, которых он принес и которые, таким образом, увеличили домашнее хозяйство семейства Гонзатко, оказались существами меланхоличными. Когда их положили на пол, они высунули свои длинные носы из-под тучи игл, печально посмотрели вокруг себя, издали какой-то звук, похожий на «тль... тль...» и свернулись колючими шариками. Господин Кратохвил надел перчатки и всунул ежей в дыру в диване.

Через несколько секунд раздалось яростное фырканье и писк. В отверстие появилась голова рассерженного хомяка, как будто хотевшего крикнуть: «Что это за безобразие!» И опять скрылась в норе, где в это время ежи улеглись на дно дивана, не обращая внимания ни на белых хорьков, ни на хомяка, ни на морских свинок.

Скоро внутри дивана наступило полное спокойствие и тишина. Зоологический сад семейства Гонзатко заснул мертвым сном. Когда, несмотря на все ожидания, из дивана никто не вылезал, было постановлено свадьбу отложить на несколько дней.

Господину Кратохвилу приснилось, что ежей надо удалить из дивана с помощью полосатых гиен, а полосатых гиен с помощью тигров, и весь сон закончился трагической сценой: он обнаружил на кухне обглоданные кости тестя и тещи.

Гонзатко не терял времени и послал письмо педагогическому совету гимназии, в которой учился его сын. Директор напрасно силился понять смысл письма:

«Уважаемому педагогическому совету гимназии.

Нижеподписавшийся покорнейше просит гимназию в связи с изменившимися семейными отношениями принять меры к изъятию хомяка, который находится у нижеподписавшегося, и набить из него чучело.

С совершенным почтением

Вацлав Гонзатко, кассир.

Жижков Оребитская улица, № 5»

Директор вызвал к себе молодого Гонзатко и с интересом его выпытывал, часто ли его отец пишет такие письма. Гонзатко ответил, что не знает. Тогда директор спросил, не лечится ли его отец в каких-нибудь лечебницах или санаториях. Гонзатко, чтобы не говорить все время «нет», на этот раз кивнул головой.

«Ну, мы его должны успокоить»,— подумал директор и послал господину Гонзатко следующее письмо:

«В связи с присланным вами письмом совет гимназии с большим сожалением вынужден сообщить вам, что гимназия чучел не набивает.

Совет гимназии»

После получения этого письма расстроенный господин Гонзатко отправился на Вышеграды к одному скорняку, который ответил ему, что без разрешения властей в частных домах убивать животных нельзя, для этого их надо отправить в специальную бойню.

Тем временем молодой Гонзатко продал свой географический атлас и на все деньги купил зерна для зверей, чтобы они не умирали с голода.

Так продолжалось четырнадцать дней. В Праге стал ощущаться недостаток зерна.

Неизвестно, как долго продолжались бы страдания семейства Гонзатко, если бы их не спас мужественный, готовый на все дворник. Он пришел, вооруженный топором. Ему молча указали на диван и закрыли за ним дверь. Раздались удары, визг, прысканье и шипенье. Через полчаса все было кончено.

На другой день состоялась свадьба.

Гостям, приглашенным на свадьбу, подавалось следующее меню:

Суп из дичи. Дичь с уксусом и хреном. Жареный хомяк с картошкой. Морская свинка с зеленью. Ежовый паштет.

Молодой Гонзатко, истинный виновник этого пиршества, скромно сидел за столом и со слезами на глазах уплетал жареную голову своего несчастного хомяка.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *В. Пасецкий*
Художник *В. Владимиров*
Техн. редактор *Н. Зисельсон*

М-ТЖ 00266 Подп. к печ. 27/IV 1950 г.
Тираж 30000 Объем $21^1/_4$ п. л. Заказ 1345

Типография № 2
Управления издательств и полиграфии
Исполкома Ленгорсовета
Ленинград, Социалистическая, 14

8